

Оригинальная статья
УДК 314.342+331.52
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242
EDN QCHFSP

Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок

Алексей Павлович Седлов

Институт экономики РАН, Москва, Россия
(sedlovap@bk.ru), (<https://orcid.org/0009-0002-6879-6730>)

Аннотация

В работе рассмотрены императивы и диалектика трудовой иммиграции как ресурса роста экономики, с одной стороны, и источника рисков в экономической и социальной сфере, с другой. История и современный опыт экспансии массовой миграции в развитые страны констатируют растущие негативные последствия, имеющие особенности в современной России (гипертрофированный спрос на дешёвый труд, излишняя и нелегальная миграция). В контексте теории двойного рынка труда дана оценка автономии иностранного его сегмента, а также росту конкурентных пересечений мигрантов и национальных кадров. В формате неоклассической теории проведён анализ миграционной привлекательности России на постсоветском пространстве. Предложенная методология оценок системных факторов и проведённые расчёты подтверждают излишние ресурсы и риски массовой миграции в региональном аспекте, большинстве отраслей, работающих на внутренний рынок. В целом по России численность занятых мигрантов из стран СНГ оценена 8,8 млн чел., при численности легально занятых 3,8 млн чел. Анализ переменных факторов позволил констатировать структурную перестройку национального рынка труда с движением местных кадров в отрасли ВПК и нехватку квалифицированных кадров, заместить которых мигрантами из бедных стран СНГ, в большинстве не имеющих тесной связи с рынком труда, не представляется возможным. Сделан важный вывод о необходимых корректировках миграционной политики с учётом принципов нормативного привлечения трудовой иммиграции и избирательной натурализации новых граждан.

Ключевые слова: экономические законы миграции, рынок труда, трансформации трудовой миграции, качество рабочей силы, излишние ресурсы, демографические тенденции, экономические риски, избирательная натурализация

Для цитирования: Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 228–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242 EDN QCHFSP

RAR (Research Article Report)
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242

Resources and Risks of Labor Immigration: Imperatives of Formation and Methodology of Assessments

Alexey P. Sedlov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(e-mail: sedlovap@bk.ru), (<https://orcid.org/0009-0002-6879-6730>)

Abstract

The paper examines the imperatives and dialectics of labor immigration as a resource for economic growth, on the one hand, and a source of risks in the economic and social sphere, on the other. The history and modern experience of the expansion of mass migration to developed countries state the growing negative consequences that have features in modern Russia (hypertrophied demand for cheap labor, the growth of non-labor immigration, etc.). In the context of the theory of a dual labor market, an assessment of the autonomy of its foreign segment, as well as the growth of competitive crossings of migrants and national personnel, is given. The analysis of Russia's migration attractiveness in the post-Soviet space is carried out in the format of neoclassical theory. The proposed methodology for assessing systemic factors and the calculations carried out confirm the excessive resources and risks of mass migration in the regional aspect, most industries operating on the domestic market. In Russia as a whole, the number of employed migrants from the CIS countries is estimated at 8.8 million people, with the number of legally employed 3.8 million people. The analysis of variable factors allowed us to state the structural restructuring of the national labor market. with the movement of local personnel in the defense industry and the shortage of qualified personnel, it is not possible to replace them with migrants from poor CIS countries, most of which do not have a close connection with the labor market. An important conclusion has been made about the necessary adjustments to migration policy, taking into account the principles of normative attraction of labor immigration and selective naturalization of new citizens.

Keywords: economic laws of migration, labor market, transformations of labor migration, quality of labor, excessive resources, demographic trends, economic risks, selective naturalization

For citation: Sedlov A.P. Resources and Risks of Labor Immigration: Imperatives of Formation and Methodology of Assessments. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):228–242. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242 (In Russ.)

Введение

В развитых странах иммиграционные трудовые ресурсы представляют неотъемлемую часть рынка труда, которая компенсирует его потери, вызванные снижением рождаемости и старением населения. Вместе с тем, иностранная рабочая сила (ИРС), в первую очередь неквалифицированная, создаёт в принимающих странах целый ряд экономических и социальных рисков, поэтому развитые страны в качестве защитной меры выработали политику ограничений массовой миграции из бедных стран, ставшую основой большинства современных иммиграционных Моделей. Удачные примеры привлечения внешних трудовых ресурсов в страны реципиенты, как правило, определены с их экономическим потенциалом и историческими связями со странами-донорами.

Так, развитые страны Европы имеют богатую историю движения населения из бывших колоний с XVI–VIII веков, страны, позже включённые в мировое разделение труда, имеют свои особенности и трудности построения иммиграционных Моделей.

Объектом исследования является Модель трудовой иммиграции современной России в её развитии, которая имеет свою историю и особенности. В последнее десятилетие Модель претерпела существенные трансформации, определённые двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Первое, это снижение возможностей квалифицированной иммиграции в контексте современных вызовов¹, и второе, либеральная миграционная политика государства, которая в определённой мере явилась ответом на повышенный спрос национального рынка. Однако со временем рост предложения массовой миграции из стран СНГ генерировал целую систему рисков, а миграционная политика не смогла перестроиться на *нормативные методы привлечения рабочей силы и избирательный институт натурализации*.

Предметом исследования являются факторы формирования ресурсов и сопровождающих их экономических и социальных рисков, с совокупности которых выделяются системные и переменные компоненты, внешние и внутренние условия, среда их диалектического взаимодействия. **Целями исследования** категорий ресурсов и рисков в их взаимосвязи и противоречивом единстве является выявление происходящих трансформаций Модели трудовой иммиграции, выраженные: во-первых, в изменении состава и структуры трудовой иммиграции, сопровождаемых рисками излишней и нелегальной миграции, и во-вторых, в усилении мотивов, форм и значения долгосрочного статуса пребывания мигрантов в при-

нимающей стране, сопровождаемого рисками социализации и адаптации. Анализ позволяет констатировать начальный период становления социальной иммиграции, уже не связанной с трудом (натурализации неработающих и нетрудоспособных представителей нетитульной нации). **Гипотезой** является положение о том, что либеральная Модель способствует трансформациям трудовой иммиграции в социальную (или гражданскую)², сопровождаемую институциональными рисками.

Источником статьи явились работы современных российских экономистов, в которых авторы рассматривают проблемы рынка труда иностранной рабочей силы. Так, в работе Е.С. Красинца и Т.В. Шевцовой даны оценки взаимодействия, структуры и качества рабочей силы, привлекаемой из стран СНГ [1]. На первостепенное значение привлечения внешних ресурсов в контексте требований демографической политики указывают многие авторы. Так, Л.Л. Рыбаковский рассматривает компоненту механического прироста населения России в постсоветский период, в том числе и за счёт присоединения новых территорий [2]. Важным источником настоящего исследования явилась работа А.П. Седлова, в которой автор приводит существенные характеристики, особенности и даёт сравнительные оценки иммиграционных моделей стран ЕС и России [3]. На страницах специальных научных изданий обсуждаются проблемы количества мигрантов и социально-экономических последствий массовых миграций. В научной статье М.А. Положихиной приводятся сведения о последствиях разных видов миграций, оценка которых, по мнению автора, должна послужить основой для формулирования задач миграционной политики [4]. Рассматривая рынок труда иностранной рабочей силы, авторы, как правило, отмечают тренд предложения внешних ресурсов, опережающий спрос на них. В.А. Ионцев отмечает привлекательные условия «комфортного» российского рынка труда [5].

Информационной базой исследования являются данные государственной статистики (Росстат и МВД РФ), дополненные сведениями выборочных обследований занятых (в основном кадровых агентств), социологических исследований и экспертных оценок, большей частью закрытого для статистики, иностранного сегмента рынка труда. Оценки, носящие дискуссионный характер, а также информация о движении на национальном рынке труда в контексте современных вызовов предполагают значительный объём электронного ресурса открытой печати.

² Термины «социальная» или «гражданская» в равной степени применимы и отражают миграционные процессы сопутствующие, но не связанные с трудом.

¹ Начало санкций против России (2014).

Источники и методология исследования

Экономические законы миграции. В историческом аспекте императивы международных миграционных процессов достаточно изучены, что позволяет схематично представить их в контексте цепи экономических законов. Так, глобальное неравенство стран неизбежно рождает миграционные потоки по линии «периферия–центр», на объективный характер которых обратил внимание исследователей И. Валерстайн [6, с. 410]. Либеральный период интенсивной трудовой иммиграции (до середины XX века) характеризовался в целом повышенным спросом на дешёвый труд из бедных стран, опережающим его предложение в странах реципиентах. Сформулированные лауреатом нобелевской премии У.А. Льюисом законы спроса и предложения на рынке труда принимающих стран (1959) представили, по существу, универсальную меру привлекаемых ресурсов [7], предполагающую, однако, приоритет спроса или его равенство с предложением. Своеобразное равновесие зафиксировал М. Пиоре в своей теории двойного рынка труда (1976), предполагающей параллельное существование рынка труда неквалифицированной рабочей силы из бедных стран с низкой заработной платой, кратно превышаемой заработными платами в национальном его секторе [8]. Вместе с тем, со временем предложение стало опережать спрос, что выразилось в излишних потоках иммиграции, которые стали создавать экономические и социальные риски в богатых принимающих странах. Характеризуя риски неквалифицированной иммиграции, Д. Массей отмечал, что «государство мало способно влиять на её избыточный характер» [9]. В этих условиях развитие принимающие страны, начиная с начала XXI века, окончательно перешли в парадигму тотальных ограничений массовых миграций из стран условного Юга.

«Россия издавна привлекала свободными землями проживающие по соседству народы» [10, с. 491], однако традиционно не входила в число лидеров на мировом и европейском экономическом пространстве, что, несомненно, определяет её особенности, как центра миграционного притяжения стран, по уровню развития уступающих донорам трудовых ресурсов развитых стран Европы. Вместе с тем, движение населения по траектории «периферия–центр» имеет схожие институциональные основы привлечения, мотивы движения и принципы регулирования, что позволяет проводить исторические аналогии алгоритмов формирования миграционных ресурсов и рисков.

Качество трудовой иммиграции. В новейшей истории России политика ограничений массовой трудовой миграции оказалась в приоритете, начиная с 2007 года, когда Россия демонстрировала

устойчивый рост. В этот период наивысшей точки достигла квалифицированная трудовая иммиграция из развитых стран, которая составляла более четверти общего показателя. Однако, введение с 2014 года западных санкций и практически полный уход с российского рынка западных специалистов в 1922–1923 гг. изменили ситуацию, закрепив за донорами страны СНГ, при этом сместив баланс в сторону наиболее бедных стран Центральной Азии (ЦА).

Характеризуя качество трудовой иммиграции, следует отметить важный маркер: в развитых принимающих странах около 50% внешних ресурсов представлены квалифицированной рабочей силой из других развитых стран [11, с. 187]. В России более 90% всей трудовой иммиграции представлено неквалифицированной рабочей силой из стран СНГ, которая большинством не имеет тесной отраслевой и профессиональной привязки к рабочему месту. Последнее положение часто подтверждается спецификой отраслевой занятости и высокой текучестью работников из бедных стран СНГ между отраслями и работами, как правило, не требующими специальной профессиональной и квалификационной подготовки (строительство, дорожные работы, городское хозяйство, торговля, логистика, клининг, служба доставки.). Так, трендом следует признать дефицит кадров в отраслях строительства, откуда мигранты переходят в курьерскую доставку, сферу бытового обслуживания, и, как следствие, генерирует новый спрос³. Очевидно, что высокая мобильность иностранной рабочей силы позволяет оперативно реагировать на конъюнктуру рынка. Вместе с тем, такая структура привлекаемых трудовых ресурсов не отвечает главному вызову современной России – нехватке квалифицированных кадров.

Качественный состав трудовой иммиграции в Россию отражают данные о прибывших за 2019 и 2023 гг. с целью работы иностранных гражданах, представленные на рисунке 1.

Данные рисунка 1 свидетельствует о том, что 96,4% всей трудовой иммиграции в 2023 году представлено странами СНГ, в составе которых выделяются бедные страны ЦА, являющиеся основными донорами неквалифицированной рабочей силы в Россию. Так, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан представлены 3,9 млн чел., или 86,6% от общей численности приехавших на работу. При этом динамика свидетельствует о росте удельного веса их граждан в 2023 году по сравнению с 2019 годом. Так, количество прибывших на работу граждан Узбекистана увеличилось с 36% до 44,2%, Таджикистана с 21,4% до 26,5% и Киргизии с 13,6% до 15,9%.

³ Бизнес-омбудсмен Б. Титов с 2021 года неоднократно обращался в правительство РФ с предложениями о дальнейшей либерализации миграционного законодательства.

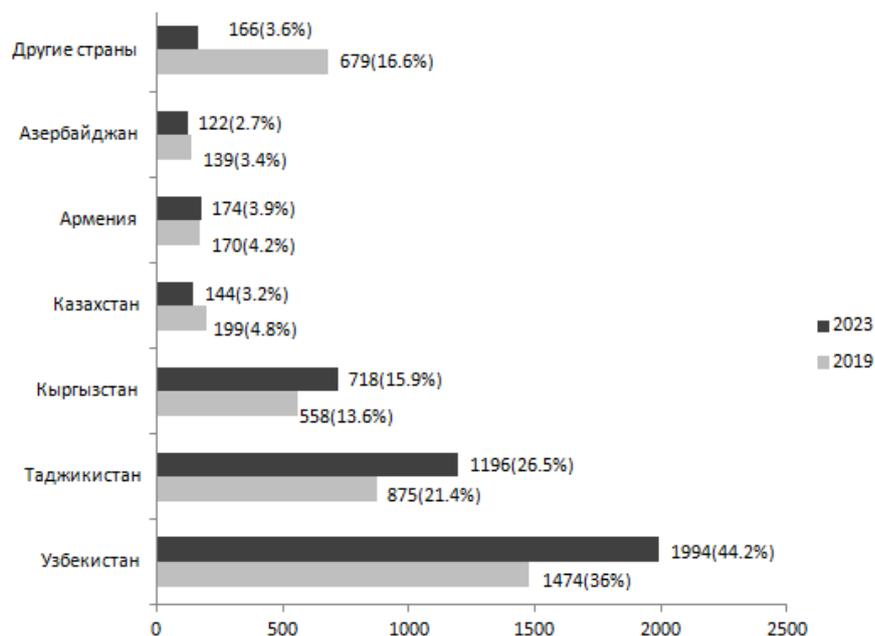

Рисунок 1. Количество прибывших иностранных граждан в Российскую Федерацию из разных стран в 2019 и 2023 гг., тыс. чел, %

Figure 1. The Number of Foreign Citizens Arriving in the Russian Federation from Different Countries in 2019 and 2023, Thousand People, %

Источник: составлено автором по данным статистики ФСБ.⁴

Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что 96,4% всей трудовой иммиграции в 2023 году представлено странами СНГ, в составе которых выделяются бедные страны ЦА, являющиеся основными донорами неквалифицированной рабочей силы в Россию. Так, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан представлены 3,9 млн чел., или 86,6% от общей численности приехавших на работу. При этом динамика свидетельствует о росте удельного веса их граждан в 2023 году по сравнению с 2019 годом. Так, количество прибывших на работу граждан Узбекистана увеличилось с 36% до 44,2%, Таджикистана с 21,4% до 26,5% и Кыргызстана с 13,6% до 15,9%.

Отмеченные различия в возможностях доступа к ресурсам иммиграции на долгие годы определили различия в остроте и специфике ограничений в отношении массовой неквалифицированной трудовой миграции и предпочтений для движения квалифицированной рабочей силы из других развитых стран.

Институциональное обеспечение. Современная российская Модель ограничений основана на установлении предельной доли иностранной рабочей силы в отраслях и сферах приложе-

⁴ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // fedstat.ru: [сайт]. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/?ysclid=lu741uxh50496289376> (дата обращения: 12.03.2024).

ния труда⁵. Однако на практике эта мера работает неэффективно, по крайней мере, по нескольким причинам. В первую очередь, следует отметить достаточно высокие базовые нормы привлечения, которые к тому же по предложениям регионов могут быть пересмотрены (вплоть до снятия ограничений). При этом бизнес, в контексте частно-государственного партнёрства, постоянно лоббирует максимально высокие нормы привлечения мигрантов из стран СНГ. Во-вторых, либеральная практика найма мигрантов часто априори ущемляет права национальных кадров, и в-третьих, установленный с 1992 года безвизовый, а по существу, бесконтрольный режим въезда со странами СНГ сопутствует нелегальной миграции, которая по своим масштабам превышает официальную занятость мигрантов и фактически девальвирует внутренние ограничения.

Вторым институциональным фактором избыточного формирования иммиграционных ресурсов является мягкая политика предоставления гражданства в упрощённом порядке выходцам из СНГ⁶, которая и является главной причиной

⁵ Постановление Правительства РФ от 16.09.2023 N 1511 «Об установлении на 2024 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности».

⁶ Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 28.12.2022). «О гражданстве Российской Федерации».

трансформаций трудовой миграции в социальную или гражданскую, то есть не связанную с трудом. Разумеется, предоставление гражданства влечёт за собой легитимность для новых граждан всего арсенала социальных выплат материального характера, установленных для граждан России: пособия на детей, материнский капитал, пенсионные трансферы и другие. Подобная практика ожидаемо рождает риски дефицита бюджетных средств, менталитет иждивенчества в среде новых граждан. В обществе и в законодательстве идут дискуссии, возникшие в контексте очевидных рисков настоящих изменений.

Теоретические подходы. В российской теоретической и прикладной науке достаточное развитие получили исследования причин несоответствий и противоречий, возникающих в контексте трудовой иммиграции. Так, Вартамян и др. отмечают сложности вертикального регулирования миграционных процессов [12].

Многие авторы отмечают главный, на наш взгляд, индикатор системных рисков трудовой иммиграции: сближение заработных плат мигрантов с местными кадрами на аналогичных работах [13].

Большинство исследователей отмечают системные негативные экономические последствия, проявляемые в виде застоя инноваций, снижения производительности, стандартов условий и оплаты труда [14], низкого платёжеспособного спроса населения в контексте дешёвого труда [15].

Значительное количество научных работ посвящено содержанию, систематизации, оценкам негативного влияния на экономику нелегальной миграции, среди которых следует выделить сравнительные исследования этого явления в России и западных странах [16].

Весьма важными, в контексте диалектики роста ресурсов и возникновения рисков, представляются меры по защите национального рынка труда в развитых странах, которые могут быть использованы и в российской практике [17].

Наконец, демографические проблемы современной России вызвали к жизни теорию «компенсаторной миграции» [18], в контексте которой прозвучали дискуссии о рисках превращения трудовой модели иммиграции в гражданскую.⁷

Новые риски. В развитых принимающих странах формирование иммиграционных трудовых ресурсов происходит в парадигме нарушения равновесия спроса и предложения, в которой доминанта предложения, со временем, рождает излишнюю рабочую силу и социальную иммиграцию, по своему составу не связанную с тру-

дом. Опыт европейских стран, где социальная миграция со временем становится своеобразным «социальным бизнесом», свидетельствует о многочисленных недостатках и нарушениях порядка отбора кандидатов на получение гражданства. При этом социальное иждивенчество и нагрузка на бюджет становятся не главными рисками долговременного пребывания мигрантов. Со временем статус новых граждан меняет национальную структуру социума и вносит новые риски в идентичность коренного населения.

Незаятые и нетрудоспособные соискатели гражданства РФ в большинстве являются членами семей трудовых мигрантов и опосредовано входят в орбиту трудовой миграции. Вместе с тем, по опыту Франции, тенденция может сопровождаться и новыми формами социальной миграции. В российских условиях происходит этнографическое замещение, в том числе лицами, имеющими лишь формальные связи с трудовыми мигрантами. Иными словами, долговременный статус и пособия нередко становятся не связанными с трудом и сопровождаются комплексом институциональных рисков.

Методология оценок. Накопление излишних человеческих ресурсов провоцирует экономические, включая нагрузку на бюджет, и социальные риски, задача не допустить которые становится содержанием миграционной политики, а *идентификация порога равновесия одной из главных задач прикладной экономической науки*. Так, превышение установленных предельных значений показателей (порога), отражающих возможные риски (наличие подтверждённых вакансий для мигрантов в хозяйствующих субъектах и предельно допустимых соотношений мигрантов и граждан в социуме), является сигналом к принятию мер ограничительного характера. И напротив, если индикаторы указывают на наличие свободных вакансий или отсутствие предпосылок к конфликтным ситуациям в территориальном поселении, создаются условия для привлечения иностранцев или снятия существующих запретов и ограничений. На макроуровне императивом роста внешних ресурсов являются индикаторы неблагоприятной демографической ситуации (естественная убыль населения, дефицит кадров). С другой стороны, сдерживающим рост ресурсов фактором являются риски опережающего предложения неквалифицированной миграции (соотношения мигрантов и занятых), дополняемые рисками поспешной натурализации без объективных критериев отбора. Например, в развитых принимающих странах используется балльная система оценок соискателей рабочих мест и просителей гражданства, учитывающая: знание языка, профессию и квалификацию, образование и

⁷ Эксперты поспорили о пользе привлечения мигрантов в Россию // rbc.ru: [сайт]. 25.10.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/10/2023/653796c19a79478741e0135b> (дата обращения: 15.12.2023).

опыт работы, материальное положение и проблемы с законом. В этой диалектической парадигме миграционная политика, опираясь на нормативные методы оценок ИРС в экономике и селективный подход к социальной миграции, ставит задачи и принимает соответствующие решения.

В развитых принимающих странах ЕС относительное равновесие спроса и предложения на неквалифицированном рынке труда, занимаемом мигрантами из бедных стран, поддерживается двумя обстоятельствами. Во-первых, его автономией, достигаемой за счёт кратного превышения заработных плат в национальном секторе рынка труда, и во-вторых, миграционной политикой тотальных ограничений, которые реализуются большей частью пограничным агентством Frontex. *В России условия формирования ресурсов и рисков имеют принципиальные отличия и специфические черты, показать которые представляет главную цель настоящего исследования.* Для достижения главной цели предполагается решение ряда задач, поставленных в аналитической части исследования.

Индюльгенцией научным исследованиям, большей частью основанным на официальной статистике, существенно занижающей реальные масштабы миграции, следует считать выступление В. Путина 14 декабря⁸, в котором Президент РФ согласился с оценкой в 10 и более миллионов нелегальных мигрантов. Он отметил риски их пребывания в России подчеркнув, что решение экономических проблем не должно идти в разрез с интересами коренного населения России, высказался о важности «человеческих условий» для приезжих и возможном создании в России ведомства, комплексно занимающегося вопросами миграции.

Анализ переменных факторов позволяет констатировать сжатие и структурную перестройку национального рынка труда с движением местных кадров в отрасли ВПК, а также нехватку квалифицированной рабочей силы, заместить которую мигрантами из стран ЦА, в большинстве не имеющих должной профессиональной подготовки и отраслевой принадлежности, не представляется возможным.

Институциональные риски иммиграционных моделей: особенности России и зарубежный опыт

В условиях демографических вызовов развитых принимающих стран становится очевидным, что вовлечение в экономику новых человеческих ресурсов за счёт внешней миграции из бедных

⁸ Путин выступил за создание специального органа по делам мигрантов. // rbc.ru: [сайт]. 14.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/12/2023/657afbe69a79472b58b7b842> (дата обращения 25.12.2023).

стран влечёт за собой риски экономического и социального ряда, связанные с ростом конкурентных пересечений на рынке труда, трудностями адаптации новых членов общества и возникающими национальными проблемами. О многочисленных проблемах свидетельствует затянувшийся миграционный кризис стран Европы, который приобретает латентный характер, определённый миграционным давлением растущего неравенства стран Юга и Севера.

Особенности России. Россия не обладает миграционной привлекательностью развитых принимающих стран, не имеет материальных и финансовых ресурсов развитых стран, куда иностранцы едут в надежде получить статус беженца с последующими правами и социальными льготами. Традиционно считается, что мотивом миграции в Россию из бедных стран постсоциалистического экономического пространства является трудовая деятельность. Однако такая иммиграционная парадигма начала меняться вслед за разрешением упрощённого порядка получения гражданства РФ⁹. При этом следует добавить, что чаще речь идёт о контингенте из самых бедных стран ЦА. Так, по данным ГУ МВД РФ с 2020 года 336 тысяч жителей Таджикистана получили российское гражданство, а 129 тысяч ВНЖ.

Наиболее существенные социальные выплаты материального характера представлены материнским капиталом, пенсионными трансферами, пособиями на детей. Так, одна семья может обходиться бюджету в сумму от 700 тыс. до 2,5 млн руб. в год¹⁰. Огромную проблему представляет право детей иностранцев на занятие мест в детских садах и школах, которое предоставлено всем временным мигрантам, по праву регистрации.

В обществе и в законодательном блоке идут дискуссии, возникшие в контексте очевидных рисков настоящих изменений. Представляется, что выплата маткапитала, который в 2024 году составит 631 тыс. руб. на первого ребёнка и 834 тыс. руб. на второго, должна предполагать отсутствие второго гражданства и факт того, что один из родителей гражданин страны пребывания по рождению. Такие предложения рассматривались в Государственной Думе и нашли реальное продолжение.¹¹

⁹ Указ Президента РФ от 28 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обращаться с заявлением о приёме в гражданство РФ в упрощённом порядке».

¹⁰ Семья мигрантов может получать из бюджета до 2,5 млн дотаций в год. // dzen.ru: [сайт]. 05.10.2023. URL: https://dzen.ru/a/ZR7HKiQpoAgwgfwn?referrer_clid=1400& (дата обращения: 25.12.2023).

¹¹ С 1 января 2024 года маткапитал можно будет получить только на ребенка с гражданством РФ по рождению // garant.ru: [сайт]. 25.12.2023. URL: <https://www.garant.ru/news/1665565/?ysclid=luln9z1e2q494509986> (дата обращения 04.04.2024)

Очевидно, что к предоставлению гражданства и далее льгот должен быть применен принцип, основанный на дифференцированном подходе, учитывающем сроки пребывания в новой стране, а для вновь пребывающих факт рождения детей как субъекта получения пособия в стране пребывания. Развитые пенсионные системы предполагают наличие двухсторонних (многосторонних в рамках Союза) соглашений с зачётом в трансфере ранее произведённых отчислений в солидарный пенсионный фонд. Подобная работа ведётся Консультативным Со-

ветом по труду, миграции и социальной защите стран-участниц СНГ, однако многочисленные трудности и противоречия между странами препятствуют системному подходу. Так, с Таджикистаном не могут решить вопрос о ремиссии, кроме того, национальными нормами его гражданам предписано неучастие в СВО.

Для анализа качества происходящих трансформаций миграционных процессов важным представляется статистика ставших гражданами России по странам происхождения, которая предоставлена в Таблице 1.

Таблица 1

Количество лиц, получивших гражданство России по странам СНГ

Table 1

The Number of Persons who Have Received Russian Citizenship in the CIS Countries

Страны	Количество (чел.), 1-е полугодие 2023 г.	В % к предыдущему периоду
Таджикистан	86964	+ 17,26
Армения	17921	- 19,04
Киргизия	10506	- 1,18
Узбекистан	9340	- 28,69
Азербайджан	7457	- 39,51

Источник: рассчитано автором по данным МВД РФ.¹²

Главным донором дешевой рабочей силы в Россию является Узбекистан, однако гражданство в первом полугодии 2023 года получили чуть более 9 тыс. узбеков. Располагая меньшими трудовыми ресурсами, наиболее бедный среди стран СНГ Таджикистан превысил этот показатель почти в десять раз (более 85 тыс. чел.)¹³. Рост получивших гражданство России таджиков (на 17,26%) не сдержали относительное ухудшение миграционной привлекательности России в результате прекращения роста её экономики, волатильность и очередной резкий скачок курса рубля (пропорционально снижающий отправляемые домой переводы), риск призыва в ВС для участия в продолжающейся СВО.

Указанные причины несколько снизили мотивы получения гражданства России граждан Киргизии, которые пользуются привилегиями члена ЕАЭС (минус 1,18%). Существенное снижение интереса проявили граждане Азербайджана, которые получили гражданство России численностью чуть менее 7,5 тыс. чел. с рекордным для

стран СНГ снижением к 2022 году (минус 39,51%). Спад интереса к получению гражданства России демонстрирует Армения (минус 19,04%), которая в 2023 году показывает экономический рост, в том числе и за счёт притока российской эмиграции.

Ежегодно по данным МВД в Россию въезжает 7–10 млн мигрантов из стран СНГ, около 5% из них натурализуются или получают российское гражданство. К ним следует прибавить получающих гражданство по программе переселения соотечественников в Россию, которых за 15 лет действия этой программы насчитывается 1,1 млн человек¹⁴. Программа была задумана с целью возвращения в Россию соотечественников, которых после развала СССР оказалось за её пределами (в странах СНГ) около 20 млн. Очевидно, что этих целей достичь не удалось. Вместе с тем, участниками программы всё чаще становятся лица, имеющие весьма отдаленное отношение к титульной нации России, часто не владеющие русским языком.

На фоне ежегодной естественной убыли населения России не менее 500 тыс. человек ежегодно примерно в тех же масштабах возможно «этнографическое замещение»¹⁵ населения России. Ос-

¹² Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. 2023. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracnnaaya/item/40034115/> (дата обращения: 25.10.2023).

¹³ Потенциал натурализации обеих стран может быть выражен количеством поставленных за 9 месяцев 2022 года на миграционный учёт 9,6 млн чел. граждан Узбекистана и Таджикистана // e-cis.info: [сайт]. 2022. URL: <https://e-cis.info/news/566/105968/?ref=politsturm.com&ysclid=lr5fbl34un132681464> (дата обращения: 13.12.2023).

¹⁴ Опубликована статистика по Госпрограмме переселения за II квартал 2023 года // vezdenashi.ru: [сайт]. 09.08.2023. URL: <https://vezdenashi.ru/vezde-nashi/nashi-vernulis/opublikovana-statistika-po-gosprogramme-pereseleniya-za-ii-kvartal-2023-goda> (дата обращения: 17.01.2024).

¹⁵ Термин, используемый в официальных документах ООН.

таётся добавить, что системная «утечка умов», две волны эмиграции 2022 г., связанные с мобилизацией, вносят свою лепту в отрицательный вектор миграционного баланса. Представляется, что в такой постановке *трансформации трудовой иммиграции приобретают черты этнографического замещения населения*, которое несёт риски национальной идентичности, негативных социальных последствий, отмеченных практическим опытом стран современной Европы.

Европейский опыт. Наиболее ярко негативные последствия миграционного кризиса проявились в событиях начала июля 2023 года, происшедшие во Франции, стране, в которой исторически сложилась многонациональная общность, основанная на длительной системной иммиграции из стран Магриба, Центральной Африки и Европы. Отмечены случаи, когда более организованные массы нетитульных национальностей переходят к погромам, террористическим акциям, наносящим материальный ущерб гражданам, моральные травмы социуму, испытывающему страх за свое будущее. Реальной базой миграционного кризиса служит национальная структура, продолжающая меняться в сторону некоренного населения. По данным Французского национального института статистики INSEE в 2021 году во Франции насчитывалось 7 миллионов иммигрантов (людей иностранного происхождения), что составляло 10% от общей численности населения страны. Почти половина этих мигрантов (47,4%) от общего их числа родились в африканских странах, а 13,6% – в азиатских.

Район с наибольшей долей иммигрантов – это парижский городской район (Большой Париж), где в 2012 году проживало почти 40% иммигрантов.¹⁶

Взращенная на волне глобализации политика мультикультурализма дала прогнозируемый сбой. Видимой причиной национальных проблем явился южный менталитет воссоединения семьи, нашедший продолжение в росте «демографического потенциала» нетитульной нации. Глубинной причиной противоречий является отличный от коренной нации, как правило, более низкий экономический и социальный статус носителей специфичных национальных и религиозных традиций и предпочтений.

Важно отметить, что в начале массовых переселений в метрополию мотив имел исключительно подтекст «трудовой иммиграции» на непрестижные рабочие места, не пользующиеся спросом титульной нации. Такая диалектика подчёркивает *неразрывную взаимосвязь категорий трудового и демографического потенциала*. Однако следует под-

черкнуть, что *связующим звеном в этом альянсе является либеральная миграционная политика государства*, а точнее институт предоставления гражданства, как основы последующего воссоединения семей на основе миграций из периферийной страны донора, уже не имеющей трудовых мотивов.

Острота проблемы нашла отражение в принятом 19 декабря 2023 г. национальным Собранием Франции новым законом о миграции, предполагающим: упрощение выдворения нарушителей Закона, установление ежегодных квот, усложнение условий получения социальных льгот, избирательность порядка воссоединения семей и другие ограничения, касающиеся привлечения трудовых мигрантов и соискателей гражданства¹⁷.

Определённой альтернативой французской либеральной иммиграционной модели является модель, получившая распространение в ОАЭ и других принимающих странах Персидского залива, институт предоставления ВНЖ и гражданства в которых основан на преференциях миграционного режима квалифицированным специалистам, имеющим инвестиционные возможности. При этом неквалифицированные кадры могут рассчитывать лишь на краткосрочную визу для выполнения срочных работ по массовым рабочим специальностям, после выполнения которых обязаны покинуть пределы страны.

Приоритет суверенитетов над провозглашённой Всемирным пактом о миграции свободой перемещения мигрантов¹⁸ закреплён практикой миграционной политики развитых принимающих стран, основанной на запретах и ограничениях [19]. Такая позиция «сильных стран» подчёркивает формальный характер многих международных стандартов, приоритеты национальных норм и актуализацию избирательной миграции. В значительной мере декларативными следует признать основополагающую конвенцию МОТ о равных правах (№102), конвенцию о трудящихся мигрантах (№ 97), о злоупотреблениях в сфере труда и предоставлении равных прав трудящимся мигрантам в стране пребывания (№143). В том же контексте следует рассматривать практическое значение тезиса о том, что мигранты не ухудшают положение местных работников аналогичных работ и профессий, подтвержденное известными эмпирическими исследованиями Д. Карда [20].¹⁹ Не умаляя значения международных стандартов, ориентированных на равные права, укажем, что *нормы миграционной политики большинства*

¹⁷ В Париже начался митинг против закона о миграции // rbc.ru: [сайт]. 21.01.2024. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreene ws/65ad42349a79474591157b4d> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁸ Под эгидой ООН в 2018 г. в Марракеше при участии 150 стран мира был подписан Всемирный Пакт о миграции.

¹⁹ За эти исследования Д. Карду в 2021 году присуждена нобелевская премия по экономике.

развитых стран ориентированы на защиту национального рынка труда с использованием механизма преференций от обязательных одобрения найма иностранца профсоюзами до публикации вакансий в специальных изданиях (labor market) [17].

Вместе с тем, неравномерное развитие стран, различные уровни богатства принимающих стран реципиентов и бедности стран доноров, являющихся участниками сложившихся маршрутов миграционного обмена, рожают специфичные иммиграционные модели с более сложными пересечениями как на рынке труда, так и в демографическом аспекте.

Императивы и диалектика ресурсов и рисков

Императивы как требования экономических законов выражаются в повторяющихся схемах,

алгоритмах, трендах формирования ресурсов и неизбежно сопровождающих их рисков. Диалектика как закон единства и борьбы противоположностей рождает способ разрешения этого противоречия – миграционную политику, предметом которой является поиск нарушений и нахождение равновесия между ресурсами и рисками. В основе понимания системных факторов лежит неоклассическая теория миграции М. Фридмана и П. Самуэльсона о территориальных различиях в заработной плате.

На постсоветском пространстве показатели территориальных различий в заработной плате представлены на рисунке 2.

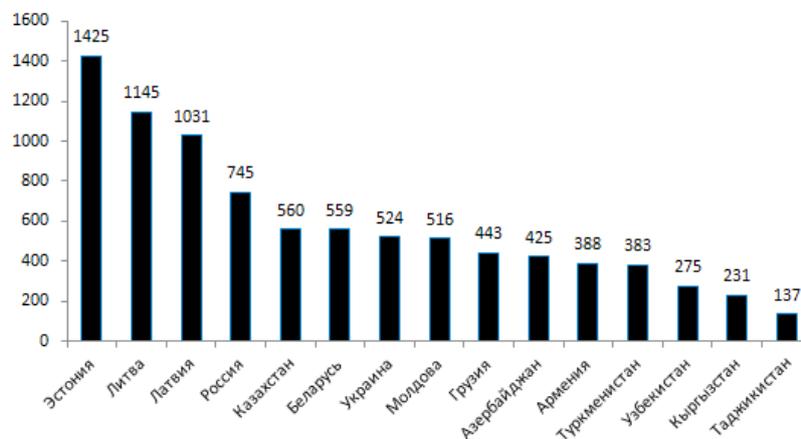

Рисунок 2. Среднемесячные заработные платы по странам бывшего СССР (2021) (в долл. США по курсу на 25.12.2021)

Figure 2. Average Monthly Salaries in the Countries of the Former USSR (2021) (in US Dollars at the Exchange Rate on 12.25.2021)

Источник: рассчитано автором по данным Госбанка России, Росстата, статистических ведомств и министерств финансов стран бывшего СССР, открытые источники.

Данные Рисунка 2 отражают базовую миграционную привлекательность стран, что позволяет судить о потенциале и силе миграционной направленности по вектору из бедных стран в богатые. Исторически на мировом и европейском рынке квалифицированного труда Россия в качестве реципиента не занимает ведущих позиций, вместе с тем, начиная с 1990-х годов, прочно удерживает лидерство на постсоветском пространстве, где традиционно является центром миграционного притяжения.

Визовый режим определен принадлежностью субъекта принимаемых решений к тому или иному политическому Союзу. Так, наиболее богатые на постсоветском пространстве страны Балтии, входящие в ЕС, используют для стран бывшего СССР (СНГ или ЕАЭС) преимущественно режим

ограничений, используя преференции лишь для мигрантов бедной Украины. При этом граждане самих балтийских стран массово мигрируют в более богатые страны Западной Европы. Факторов, притягивающих в Россию, достаточно лишь для граждан из более бедных стран СНГ, располагающих преимущественно неквалифицированным трудовым потенциалом.

Современные вызовы радикально меняют геополитику, и в логику объективных экономических закономерностей вмешиваются внешние обстоятельства, под которыми С. Стоуфер понимал законодательство стран, препятствующее миграции [21].

Системные факторы. Фактором, определяющим доминанту массовой трудовой иммиграции в России, является императив движения из

бедных стран в богатые по экономическим мотивам [22] с преобладанием в странах-донорах факторов, выталкивающих [23], характерных для бедных стран и неквалифицированной рабочей силы. Сложившееся превышение предложения дешёвой ИРС над спросом на неё в странах реципиентах [24] чаще рождает экономические и социальные риски, совокупность которых может квалифицироваться как «миграционная ловушка» [14]. По нашему мнению, суть «ловушки» заключена в диалектике алгоритма замещения несостоявшихся инноваций и инвестиций дешёвым трудом и перманентном воспроизводстве рабочих мест с низкими условиями труда и его оплаты, занимаемых мигрантами из бедных стран. При этом генератором экстенсивного развития становится рента дешёвого труда, которая в свою очередь обеспечивает налоги в государственный бюджет, а, значит, даёт основания для реализации экономической функции привлечения ИРС в ущерб социально-экономическим последствиям. Так, предпочтения бизнеса найму дешёвого труда мигрантов нередко идут в противоречие с реализацией социальной функции занятости, приоритетом которой во всём мире является защита национального рынка труда и создание рабочих мест с достойными условиями труда для занятости отечественных кадров.

С позиций оценки роли иностранного сегмента на рынке труда современной России важным представляется выделить два момента. Первый – это оценка нелегальной части сегмента, и второй – степени автономии этого рынка. Отсутствие автономии, как правило, указывает на излишнюю рабочую силу и конкурентные пересечения мигрантов с местными кадрами, которые и создают почву для экономических и социальных противоречий [24].

Важным индикатором, указывающим на отсутствие автономии и, соответственно, многих конкурентных пересечений, является сближение заработных плат мигрантов и национальных кадров, на которое в последнее время указывают многие российские экономисты [13]. Значительная часть российского рынка труда с низкими доходами находится в нижних, низкооплачиваемых его сегментах, в которых располагается ИРС из бедных стран СНГ, поэтому медианная заработная плата, которая в 2021 году по данным Росстата составила 35,3 тыс. руб., как нельзя лучше отражает суть пересечений. В то же время, по данным исследования, проведённого под руководством специалистов МГУ, заработная плата мигрантов из стран СНГ в этот период составила 47,1 тыс. руб.²⁰ Методическая помощь учёных МГУ за-

ключалась в разработке анкеты, состоящей из 64 вопросов, и обработке её результатов. Федерация мигрантов России обеспечила опрос 4,7 тыс. мигрантов различных отраслей, работающих в различных отраслях разных регионов страны.

Индикаторы ресурсов и рисков. Разумеется, статистика не является системным фактором формирования рынка труда. Вместе с тем, её субъективный характер даёт возможность влиять на восприятие проблемы в социуме и оценку реальной базы для привлечения новых ресурсов. При этом преобладающие позитивные оценки трудовой иммиграции являются плодом либеральной миграционной политики государства и практики в пользу альянса бизнеса и дешёвой рабочей силы из стран СНГ, которые определяют *приоритеты фрагментарных и неполных статистических оценок масштабов и рисков иммиграции*.²¹

В этой связи существенную роль приобретает разработка системы индикаторов анализа ресурсов и рисков, лежащих в основе механизма оценки и принятия решений [24].

Настоящие либеральные основы принятия решений имеют свою базу и проявления. Так, несмотря на очевидные риски экстенсивного развития экономики, бизнес постоянно *транслирует о хронической нехватке трудовых мигрантов*. Так, почти программным стало заявление Вице-премьера Правительства М. Хуснуллина о нехватке в экономике РФ 5 млн мигрантов в горизонте 2024 года.

Фоном для парадигмы нехватки иммиграции объективно служит неблагоприятная демографическая ситуация современной России. В этом тренде внешняя миграция рассматривается как «компенсаторная» или восполняющая естественную убыль населения. Представляется, что в целом верный подход к оценке сложной демографической ситуации рассматривает лишь одну компоненту Многофакторной Модели развития: экстенсивный рост экономики за счёт привлечения внешних человеческих ресурсов. При этом альтернативы мигрантам из стран СНГ, разумеется, нет.

Официальная государственная статистика свидетельствует о незначительном удельном весе ИРС в общем числе занятых в экономике России, который по данным Росстата в 2021 году составил около 2%. При этом в расчёт принимаются данные о приобретённых патентах (для стран СНГ) и полученных разрешениях на работу (для стран с визовым режимом). Разумеется, что такая статис-

prevysila-47-tysyach-rublej.html?ysclid=lr56ggwghi966582609 (дата обращения: 10.10.2023).

²¹ Ивахнюк И. Новый посыл миграционным органам, обществу и мигрантам. РСМД, 7 ноября 2018 г. // russiancouncil.ru: [сайт]. 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-posyl-migratsionnym-organam-obshchestvu-i-migrantam/> (дата обращения: 10.11.2023).

²⁰ Средняя зарплата иностранного рабочего превысила 47 тысяч рублей // rg.ru: [сайт]. 13.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/sredniaia-zarplata-inostrannogo-rabocheho->

тическая картина даёт почву для оценок и принятия решений в парадигме «нехватки мигрантов» и дальнейшей либерализации законодательства.

Рента дешёвого труда становится решающим внутренним фактором формирования рынка труда. Так, по обращению бизнеса на 2023 год в строительстве Москвы сняты ограничения на разрешённое представительство иностранцев, которое достигло 100%. В других субъектах РФ этот порог составляет максимум 80%, а в развитых принимающих странах 40–60% (например, Франция, Швейцария). В этом контексте российские работодатели нередко пренебрегают элементарными нормами условий труда и трудовых отношений, что отталкивает местные национальные кадры.

В отличие от Росстата, статистика МВД за 9 месяцев 2022 года даёт основания для более реалистичных оценок представительства ИРС в числе занятых. Так, из вставших на миграционный учёт, работу в качестве причины въезда указали 8,9 млн. Из этого числа около 1,9 млн чел. получили патенты, 66 тыс. чел. разрешения на работу, примерно 1,9 млн чел. оформили трудовые договоры (страны ЕАЭС). Возможно, около 10% не нашли работу и вернулись на родину. Несложные расчёты показывают, что около 5 млн чел. оказались в тренде нелегальной занятости, которая на сегодняшний день составляет основу всей трудовой иммиграции.

В последнее время наметилась тенденция уступок объективным корректировкам минимальных значений трудовой иммиграции. Так, на ВЭФ в 2023 году Президент РФ В. Путин в контексте дискуссии в обществе о недооценке значения проблемы отметил, что «у нас не так уж много мигрантов – 3,7% занятых»²².

Для примерных расчётов иммиграционных ресурсов могут быть использованы и другие данные. Чаще российские экономисты, представители экспертного сообщества, при оценках нелегальной (неучтённой, неформальной) миграции используют оценки, приведённые в 2018 году на встрече с Президентом РФ уполномоченной по правам человека в России Т. Москальковой, которая заявила о 8–10 млн чел. В разные годы в МВД России приводили оценки от 1 до 3 млн.

Практический интерес представляют сравнительные оценки по странам. Так, в доковидном 2019 году в России и в Германии иммиграция составила примерно по 11 млн чел.²³ При этом структура иммиграции существенно отличалась по целям приезда. Так, по данным МВД РФ в Рос-

сию с целью работы въезжают 75%,²⁴ а страны ЕС, соответственно, около 35%²⁵ иностранцев. Если принять во внимание, что в развитых странах ЕС неквалифицированная трудовая иммиграция составляет около половины [11, с. 187], а в России 90% [15, с. 47], то численность этой квалификационной категории может оцениваться: в России 7,425 млн чел. или 10% занятых, в Германии, соответственно, 1,925 млн или 4% занятых. В России, где конкурентных пересечений больше, а перечень отраслей с использованием труда мигрантов из бедных стран шире, означенные негативные проблемы более адекватны высокой нагрузке неквалифицированного труда.

Интерпретируя средний показатель 2% мигрантов в числе занятых в РФ, следует отметить крайне неравномерное распределение мигрантов по регионам России, среди которых выделяются наиболее богатые [25]. Так, в Москве доля мигрантов в занятом населении составляет 6,8%, в Санкт-Петербурге 7,4%. Очевидно, что и нелегальная миграция в этих регионах представлена относительно большими величинами, а соответственно, требует и большего внимания к установлению квот на привлечение неквалифицированного труда из стран СНГ, а главное постановке и решению задач инновационного развития. Так, экстраполируя эти значения по самой низкой норме соотношения получивших патенты и разрешения на работу (1,9 млн чел.) к числу нелегальных мигрантов (5 млн чел.), получим соотношение (2,63). Произведя эти корректировки, получим: по С-Петербургу 19,5%, по Москве 17,9%. Принимая довольно большую степень допущений и погрешностей экстраполяции, укажем, что неравномерное распределение иммиграции, уже в пределах региона, может формировать *пулы мигрантов, способные заполнить профессиональные ниши, территориальные поселения, вместе с комплексом экономических и социальных рисков*.

Представляется, что показатель удельного веса неквалифицированной трудовой иммиграции по видам деятельности, отраслям и территориям может служить индикатором (порогом, нормативом), превышение которого сигнализирует о необходимости ограничений на её привлечение и корректировок роста в контексте инновационного развития.

Результаты исследования

Результаты определены задачами исследования, гипотезой, аналитикой и в сжатом виде могут быть представлены рядом положений.

²⁴ Усреднённая оценка данных за ряд лет, часто принятая для оценок особенности иммиграции в Россию.

²⁵ Евростат, 2021.

²² Президент России Владимир Путин принял участие в пленарном заседании восьмого Восточного экономического форума 12 сентября 2023 года // kremlin.ru: [сайт]. 12.09.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72259> (дата обращения: 12.01.2024).

²³ Ежегодный доклад ООН за 2019 год.

1. Представленный алгоритм формирования политики ограничений и запретов на движение массовой трудовой миграции в развитые принимающие страны основан на экономических законах: движения из бедных стран доноров в богатые принимающие; спроса и предложения на рынке труда; формирования излишней рабочей силы; миграционной политики как способа нахождения компромисса (равновесия) между ресурсами и рисками [6; 7; 8; 9] Показаны возможности этого алгоритма для оценок в современной России с учётом специфики её институтов и особенностей формирования рынка труда иностранной рабочей силы.

2. Особенности российского рынка труда ИРС определены значительными возможностями конкурентных пересечений мигрантов из бедных стран СНГ и местных кадров в преобладающих на российском рынке труда нижних по оплате труда стратах (медианная заработная плата в России существенно ниже средней заработной платы мигрантов).

3. Условиям мягкой миграционной политики стран ЕС соответствует тенденция трансформации трудовой миграции, как основы внешних человеческих ресурсов, в социальную или гражданскую. В России упрощённый порядок получения гражданства с 2019 года вместе с льготами пребывания в статусе РВП и ВНЖ дали новый импульс сопровождающей трудовую семейной иммиграции из стран СНГ. Эти процессы ложатся в основу «этнографического замещения» в размерах, сопоставимых с численностью ежегодной убыли населения, преимущественно за счёт выходцев из наиболее бедных стран ЦА. Вместе с тем, достигнув пика, в 2022 году, иммиграция и процесс натурализации, в частности, замедлились в 2023 году (причины: снижение курса рубля и перспектива «новых граждан» вставать на воинский учёт).

4. Иммиграция граждан стран ЦА, иногда не владеющих русским языком, сопровождается ростом рисков замкнутых анклавов и усилением влияния этнических диаспор, часто принимающих на себя функции местных исполнительных органов власти (получение патентов; сдача экзаменов по русскому языку и истории страны; приобретение РВП, ВНЖ, гражданства; решение вопросов въезда и выезда из страны), имеют высокую степень институциональных рисков.

5. Излишняя трудовая, нелегальная миграция, натурализация, в том числе незанятых, несут потенциал экономических, социальных рисков, конфликтов на национальной почве, о чём позволяет судить опыт миграционного кризиса в странах ЕС (в частности, Франции со схожими менталитетом и этнографическим составом новых граждан и

временных мигрантов). В качестве альтернативы мягкой миграционной политики Франции важным предлагается всесторонне оценить жёсткую политику трудовой иммиграции ОАЭ и стран Персидского залива, основанную на предоставлении визы на период выполнения контракта, временной работы.

6. Экономические риски современной России представлены множественными конкурентными пересечениями мигрантов и национальных кадров в контексте отсутствия надёжных механизмов защиты национального рынка труда и предпочтений работодателями найма мигрантов, как источника дополнительной ренты на корпоративном уровне. Системные экономические риски выявляются на макроуровне: низкие нормы условий и оплаты труда, энерго и электровооружённости, производительности труда. Дешёвый труд мигрантов становится предпочтительнее инновационного развития, инвестиций в создание рабочих мест с достойными условиями труда и его оплаты, что проявляет себя в качестве технико-технологических рисков.

7. Императивом формирования излишней численности мигрантов являются рента дешёвого труда, формирующая гипертрофированный спрос, возникающий вследствие высокой текучести мигрантов, а также абсолютная бедность, безработица и высокая рождаемость в странах ЦА, генерирующие экспансию предложения. Предложение дешёвого труда варьируется в контексте волатильности курса рубля, а также спроса на мигрантов в других развитых странах (Турция, Республика Корея, СА, Англия и др.), который имеет ограниченный временный характер.

8. Логическим результатом исследования явилась представленная система оценок и расчётов Индикаторов ИРС, которая позволила, во-первых, оценить общую численность занятых мигрантов (8,8 млн чел. или более 12 % занятых в РФ), из которых численность работников, имеющих слабую связь с рынком труда, составляет 7,8 млн чел. или 90% всей ИРС. Во-вторых, отметить крайне неравномерное распределение ИРС по регионам России, среди которых выделяются богатые Москва и С-Петербург, в которых по минимальным оценкам численность мигрантов составляет, соответственно, 17,8 и 19,5% занятого населения, идентифицируя большие возможности реализации диверсифицированных рисков.

9. Нелегальная миграция составляет основу современной занятости мигрантов и более чем в два раза превышает занятость, отражаемую в налоговой статистике. Не менее 5 млн чел. участвует в теневой экономике, так называемых, недооценённых отраслей (строительство и дорожные

работы, курьерская доставка, ЖКХ, городское хозяйство, общепит, бытовое обслуживание, дачное и домашнее хозяйство), основанной на отношениях коррупционной ренты, которая минует государственный бюджет и не отвечает современным институциональным вызовам.

10. *Иммиграционный человеческий капитал* современной России в основном (на 97%) представлен странами СНГ рабочей силой, не имеющей тесной связи с рынком труда, что не позволяет рассчитывать на его использование в решении задач инновационного развития, технологического суверенитета, основанных на экономике знаний. Специфика занятости мигрантов отличается следующими чертами. Так, в сферах занятости мигрантов почти не числятся отрасли обрабатывающей промышленности, IT-технологий и другие с высокой добавленной стоимостью. Во-вторых, занятость мигрантов отличается высокой текучестью в зависимости от конъюнктуры сфер приложения труда (из строителей в курьеры, из торговли на сезонные работы и т.д.). В-третьих, большинством мигранты не способны заместить вакансии, возникающие на национальном квалифицированном рынке труда вследствие системных (демографические волны, «утечка умов») и переменных (мобилизация и последующая дискретная эмиграция) факторов его формирования.

Заключение

Следует напомнить, что отмеченные риски возникают при прохождении «порога» наращиваемых ресурсов, за которыми и должны следовать меры по ограничениям и запретам привлечения ИРС (или предоставления РВП в территориальном поселении). Индикаторами могут служить экономические и социальные нормативы, разработка которых представляет задачу прикладной экономической науки, некоторые принципы и условия применения которых нашли отражение в ряде работ [15]. Например, если региональный агрегатор такси свидетельствует о вакансиях водителей

(«зеленая зона конкуренции»), незаполненных национальными кадрами, то после выполнения процедуры запроса и сроков публикации вакансий, в банк данных прошедших отбор соискателей (иностранцев граждан) поступает соответствующий запрос. При отсутствии вакансий (или превышения норматива «заполнения социального пространства») легитимными становятся запреты и ограничения. Нормативный подход, основанный на анализе индикаторов «порога», позволит определить соответствующие территориальные и отраслевые стандарты. Вместе с тем, *стратегической линией ресурсного обеспечения экономики* должны стать соответствующие программы инновационного развития отраслей, сфер²⁶ приложения труда, основанные на реализации проектов по росту производительности труда и подготовке кадров, в том числе и на территории страны донора иностранной рабочей силы. В этом формате индикатором для принятия решений могут служить абсолютные и относительные оценки численности мигрантов из стран СНГ. В принимающих странах сфера занятости неквалифицированных мигрантов из бедных стран определена торговлей и услугами, которая в развитых странах составляет до 70 и более процентов ВВП. В России торговля и услуги составляют меньшую величину, однако относительная численность мигрантов существенно выше²⁷, что дает основание для оценок излишней их численности и, соответственно, стратегии развития отраслей и привлечения мигрантов.

Наконец, межотраслевой институциональной проблемой является борьба с нелегальной миграцией, в первую очередь, путём её включения в сферу учёта, налогообложения, депортации или реадмиссии нарушителей закона. Представляется, что эта работа должна быть основана на амнистии нелегалов и введении мер экономической ответственности работодателей, выраженной размерами нанесённого ущерба государству по недополученным налогам.

Список литературы

1. Красинец Е.С., Шевицова Т.В. Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия // Народонаселение. 2023. Том 26. № 4. С. 52–62. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5> EDN OBCYAQ
2. Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 327–337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 EDN EIOOWG
3. Седлов А.П. Иммиграционные модели стран ЕС и России: методология оценок и сравнительный анализ // Вестник института экономики Российской академии наук. 2019. № 2. С.106–119. EDN KYUJEI
4. Положихина М.А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1(10). С. 20–37. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.02> EDN ABAEBG

²⁶ Разумеется с учётом специфики организации труда.

²⁷ О чём свидетельствуют произведённые в работе оценки и расчёты.

5. *Ионцев В.А.* Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.* 2023. № 2. С. 90–96. EDN AXNOWY
6. *Wallerstein I.* The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New-York: Academic Press, 1974. 410 p.
7. *Lewis W.A.* The Theory of Economic Growth. New-York: Academic Press, 1959. 402 p.
8. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press, 1979. 229 p.
9. *Massey D.S.* International migration and economic development in comparative perspective // *Population and Development Review.* 1989. Vol. 14. No. 3. P. 383–414.
10. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. СПб.: Изд-во Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1914. Том 18. С. 490–491.
11. *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // *Журнал новой экономической ассоциации.* 2018. № 1(37). С. 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9> EDN XRWLZR
12. *Вартичан А.Р., Гужавина Т.А., Демирчян М.А.* Миграционная политика стран в условиях пандемии COVID-19 // *Социальное пространство.* 2022. Том 8. № 4. <https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.5> EDN AXSWAN
13. *Денисенко М.Б., Чернина Е.М.* Трудовая миграция и заработка мигрант в России // *Вопросы экономики.* 2017. № 3. С. 40–57. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-40-57>
14. *Яковлева Е.Б.* Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // *Проблемы современной экономики.* 2017. № 1(61). С. 67–70. EDN YRXWKN
15. *Седлов А.П.* Дешёвый труд и экономический рост: тенденции российского рынка труда в контексте СВО на Украине // *Общество и экономика.* 2023. № 2. С. 45–60. <https://doi.org/10.31857/S020736760024280-7> EDN NTHJWM
16. *Рязанцев С.В., Очирова Г.Н.* Методы борьбы с нелегальной миграцией (опыт, США, Евросоюза и России) // *Политические исследования.* 2021. № 2. С. 46–63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04>; EDN YLCWXH
17. *Комаровский В.В.* Миграционное регулирование в период пандемии covid-19 // *Запад-Восток-Россия 2020: ежегодник.* Москва: ИМЭМО РАН, 2021. С. 46–53. EDN DRCPWK
18. *Юмагузин В.В., Винник М.В.* Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // *Журнал Новой Экономической Ассоциации.* 2023. № 1(58). С. 48–65. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_48; EDN YDJZMW
19. *Sassen S.* The Mobility of Labor and Capital: A Study in International. Investment and Labor Flow. New York: Cambridge University Press, 1988. 240 p.
20. *Card D, Krueger A.B.* Myth and Measurement: The New Economics of the Minimum Wage. Princeton University Press, 1995. 422 p.
21. *Stouffer S.* Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // *American Sociological Review.* 1940. Vol. 5. No. 6. P. 845–867. <https://doi.org/10.2307/20845201940>
22. *Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London.* 1885. Vol. 48. Issue 2. P.167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>
23. *Lee E.S.* A Theory of Migration // *Demography.* 1966. No. 3(1). P. 47–57
24. *Седлов А.П.* Двойной рынок труда в российских реалиях: индикаторы и методология оценок в контексте современных вызовов // *Общество и экономика.* 2023. № 8. С. 39–59. <https://doi.org/10.31857/S020736760027016-6> EDN YFBSCS
25. *Щербакова Е.М.* Иностранная рабочая сила в России, 2022–2023 годы // *Демоскоп Weekly.* 2023. № 1005–1006. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01005/index.php> (дата обращения 20.01.2024)

Информация об авторе:

Алексей Павлович Седлов – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН
(SPIN-код: 8554-1070) (РИНЦ Author ID: 152684)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 09.06.2024.

References

1. *Krasinets E.S., Shevtsova T.V.* Labor immigration and the labor market in modern Russia: problems of interaction. *Narodonaselenie=Population.* 2023;26(4):52-62. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.5> (In Russ.)
2. *Rybakovsky L.L.* Migration component and its contribution to the demographic development of modern Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2023;19(3): 327-337. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 (In Russ.)
3. *Sedlov A.P.* Immigration models of the EU and Russia: assessment methodology and comparative analysis. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.* 2019;(2):106-119. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2019-10021> (In Russ.)
4. *Polozhikhina M.A.* Features of modern migrations and their consequences. *Socialnye novacii i socialnye nauki=Social Innovations and Social Sciences.* 2023;(1(10)):20-37. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.02> (In Russ.)
5. *Iontsev V.A.* International labor migration in the conditions of a "comfortable" labor market in Russia. *Teleskop: Zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij=Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research.* 2023;(2):90-96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96> (In Russ.)

6. Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. New-York: Academic Press; 1974. 410 p.
7. Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. New-York: Academic Press; 1959. 402 p.
8. Piore M. Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York: Cambridge University Press; 1979. 229 p.
9. Massey. Douglas S. International migration and economic development in comparative perspective. *Population and Development Review*. 1989;14(3):383-414.
10. Brockhaus F.A., Efron I.A., Arsen'yev K. K. (ed.) New Encyclopedic Dictionary. St. Petersburg: Publishing house of F. A. Brockhaus and I. A. Efron; 1914. Vol. 18. P. 490–491.
11. Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. Labor immigration in Russia: international and domestic aspects. *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii=Journal of the New Economic Association*. 2018;(1(37)):186-193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9> (In Russ.)
12. Vartikyan A.R., Guzhavina T.A., Demirchyan M.A. Migration policy of countries in the context of the COVID-19 pandemic. *Social'noe prostranstvo=Social Area*. 2022;8(4). <https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.5> (In Russ.)
13. Denisenko M.B., Chernina E.M. Labor migration and earnings migrant in Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(3):40-57. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-40-57> (In Russ.)
14. Yakovleva E.B. Western theories of external labor migration (critical analysis based on European and Russian realities). *Problemy sovremennoj ekonomiki=Problems of Modern Economics*. 2017;(1(61)):67-70. (In Russ.)
15. Sedlov A.P. Cheap labor and economic growth: trends in the Russian labor market in the context of the SMO in Ukraine. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economics*. 2023;(2):45-60. <https://doi.org/10.31857/S020736760024280-7> (In Russ.)
16. Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. Methods of combating illegal migration (experience, USA, EU and Russia). *Polis. Politicheskie issledovaniya=Polis. Political Studies*. 2021;(2):46-63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.04> (In Russ.)
17. Komarovskiy V.V. Migration regulation during the pandemic COVID-19. In: West–East–Russia 2020. Yearbook. Moscow: IMEMO; 2021. P. 46-53. (In Russ.)
18. Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. Long-term forecast of the replacement migration in Russia. *Zhurnal novej ekonomicheskoy associacii=Journal of the New Economic Association*. 2023;(1(58)):48-65. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_48 (In Russ.)
19. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International. Investment and Labor Flow. New York: Cambridge University Press; 1988. 240 p.
20. Card D, Krueger A.B. Myth and Measurement: The New Economics of the Minimum Wage. Princeton University Press; 1995. 422 p.
21. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance. *American Sociological Review*. 1940;5(6):845-867 <https://doi.org/10.2307/20845201940>
22. Ravenstein E.G. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 1885;48(2):167-235. <https://doi.org/10.2307/2979181>
23. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966;(3(1)):47-57.
24. Sedlov A.P. Dual labor market in Russian economic realities: indicators and assessment methodology in the context of modern challenges. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*. 2023;(8):39-59. <https://doi.org/10.31857/S020736760027016-6> (In Russ.)
25. Shcherbakova E.M. Inostrannaya rabochaya sila v Rossii, 2022–2023 gody. *Demoskop Weekly*. 2023;(1005–1006). URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2023/01005/index.php> (accessed 20.01.2024). (In Russ.)

Information about the author:

Alexey P. Sedlov – PhD in Economics, Leading Researcher at the Center for Human Development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
(SPIN-code: 8554-1070) (РИНЦ Author ID: 152684)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 09.06.2024.